

ПЕРСОНА

К Юлию Гусману больше всего подходит выражение "бессменный капитан". Потому что он до сих пор чувствует себя капитаном бакинской команды КВН, потому что уже 18 лет подряд со своего капитанского мостика командует "Никой" и потому что вновь занял капитанское место на съемках фильма "Парк советского периода".

Про темперамент

— Вас называют человеком "вулканического темперамента" — это связано с тем, что вы выросли в восточном городе?

— Я не умею и не могу работать спокойно, усидчиво, последовательно, внимательно. У меня была единственная четверка в начальных классах по прилежанию. Мой друг, замечательный писатель Георгий Вайнер, начинал работать сразу после завтрака и писал ровно до 14.00 — ничто не могло его сдвинуть с места. Усидчивость — важное качество для ученого, писателя, живописца. Я же лучше всего работаю в состоянии стресса. Когда обостряются все органы чувств и пульс становится 150.

— Специально доводите себя до стресса?

— Нет, конечно. На сцене я выполняю важную функцию диспетчера, помощника режиссера и играющего тренера.

Я не умею произносить заученные тексты, предпочитаю импровизировать. Здесь "вулканический" темперамент помогает. Но это гигантский выброс адреналина в кровь, а он медленно расщепляется. Поэтому все полные типы с вулканическим темпераментом — первые кандидаты на инфаркт и инсульт.

— На сотрудников своих кричите?

— Почти никогда. Я могу взорваться, крикнуть-хрюкнуть, но этот хрюк не является настоящим криком. Потому что я, во-первых, не верю в действительность крика. Во-вторых, я работаю только с людьми близкими и дорогими. Как на них кричать? Их надо любить. А с чужими надо быть подчеркнуто вежливым. Кроме того, почти со всеми сотрудниками я работаю по 15—20 лет, мы начинали еще в Доме кино. Так что кричать на суперпрофессионалов не имеет смысла...

Про бакинский песок

— Азербайджанский не забываете? Говорите еще на нем?

— Говорю, конечно, но гораздо меньше, чем раньше. Нет нужды.

— На рынках торгуетесь?

— Сейчас — почти нет, но раньше частенько. Я был капитаном команды КВН Баку, меня уважали, и это помогало. Кроме того, фамилия Гусман в Баку знаменита: мой отец лечил всех, мама преподавала английский язык и была автором замечательных учебников. И мы с братом по-прежнему со всеми дружны, являемся членами Азербайджанского конгресса, отмечаем все праздники. Россию и Азербайджан считаем своей родиной, потому что "наш адрес — не дом и не улица"...

Я до сих пор помню, как пахнет бакинский песок, инжир, виноград, цветущее фисташковое дерево, жидкий асфальт — кир, которым заливали крыши. Все это и есть любовь к родине...

— Вы как старший сын пошли в медицинский из-за династических соображений?

— Совершенно точно. Мой папа ничего никогда не приказывал. Он просто очень хотел, чтобы я стал врачом. А младший брат Миша пошел учиться на переводчика из-за мамы. Гости, приходившие в дом, говорили: "Ты станешь врачом, как папа" — и почему-то хохотали. Я был пухленький миленький мальчик, и со мной все сюсюкали. Когда мама брала меня с собой в институт, ее подруги сбегались меня щипать, и предельно. Я прятался за маму не потому, что был стеснительным, а потому, что хотел их убить... Медицину я возненавидел с первого дня.

КВН НАВСЕГДА

Юлий ГУСМАН: "Лучше всего я работаю в состоянии стресса"

Особенно когда попал на первую в своей жизни операцию — кого-то режут, а студенты вокруг стоят и кайфуют, мечтают хотя бы подержаться за скальпель и зажимы. И трупы резали с таким наслаждением...

Я ушел в психиатрию, получил красный диплом и даже аспирантуру закончил. Но параллельно у меня в школе был свой театр, в институте — эстрадный коллектив, и я занимался КВНом. Короче, чем угодно, только не медициной.

— Откуда тогда красный диплом?

— Стыдно признаваться, но экзамены я сдавал следующим образом. Мои друзья, ставшие знаменитыми врачами — Ян Койфман, ныне главный нейрохирург Делавера, и Виталик Сокин, главный анестезиолог Детройта, — талантливые люди, с крепкой и усидчивой жолой, садись и все выучивали. Меня они звали в последний день и, как зеркалу, наговаривали. А у меня была отличная оперативная память, часов 10—12 я все помнил — хватало, чтобы утром сдать экзамен. Но однажды система дала сбой, и я получил первую двойку. Экзамен по биохимии принимал Ахад Гасанов, старый заслуженный профессор, друг моего отца и отец моего друга. А я, свинья, вообще ничего не знаю! Беру билет, как сейчас помню, первый вопрос: "Глюкозиды и аминоксахара". Я написал легкую формулу глюкозы, поставил плюсики, добавил "ид", получился "глюкозид". И точно понимая, что меня примут за клинического идиота, пошел к комиссии. Они начали шептаться, решили, что я заболел, в их биохимических головах увиденное просто не укладывалось. Закончилось тем, что мне дали бюллетень, я попросил профессорского сына Фикрета, тот попросил папу — и мне поставили жалкую тройку. Этот позор я запомнил навсегда.

Про дочь и Штаты

— Ваша дочь стала юристом по вашему совету?

— Она — самостоятельная. Я не давал Лоле с детства никаких поблажек. Много лет мы шли навстречу друг другу. Мне кажется, она стала хорошим, порядочным и умным человеком. Я даже

ей одной из первых показал черновой вариант своего нового фильма "Парк советского периода", мне было очень важно ее мнение.

Несколько лет назад Лола уехала в Америку по обмену, закончила там юридическую школу. Сейчас работает в Румынии, представляет интересы большой российско-американской компании. Начинала она в Вашингтоне, где тогда моя жена преподавала в Джорджтаунском университете. Лолу после завершения обучения пристроили работать референтом в фирму приятеля моего брата, великолепного юриста, друга Буша и короля Саудовской Аравии. Она сидела в большом кабинете в большом кожаном кресле с большой зарплатой. Но не понравилось, все бросила, перешла работать в большую фирму, чтобы заниматься корпоративным правом. Ей нравится, а я бы сдох на первом договоре. Жаль, вы не видели, какие у корпоративных юристов талмуды!

— Лечились вы тоже в Штатах?

— Я играл в теннис много лет, с моим-то весом. Парно играть не любил, только в одиночку. А это гигантская нагрузка. В общем, разбил суставы. Да так сильно, что пришлось оперировать. А в Америке — потому что там мои бывшие сокурсники.

— Сейчас играете в теннис?

— Нет, считаю, возвращаться — плохая примета. Но плаваю я по-прежнему как рыбка. Объективно у меня во всех видах спорта были одинаковые проблемы: вес, координация и тело, не готовое к большим физическим нагрузкам.

Про "Парк советского периода"

— Через 20 лет вы вернулись в кино — заполняете вдруг появившееся свободное время?

— Я никогда не занимался тем, что мне не нравилось. Я долго мечтал снимать кино. Потом с Эдиком Акоповым мы придумали "Парк советского периода", я загорелся. Тогда, несколько лет назад, казалось, что это фантастическая комедийная притча. Сейчас, когда фильм почти готов, история, увы, становится злободневным памфлетом: все эти возвращения гимнов, флагов, скульптур... Наш фильм — продукт любви и страсти, вместо полутора запланированных часов у меня получилось три. Это не очень профессионально. Но, надеюсь, меня извинит телевизионный четырехсерийный вариант, где останутся все шутки, все репризы, весь воздух.

— О чем фильм?

— Сюжет прост, как все гениальное. Успешный молодой журналист (его играет Александр Лазарев-младший) попадает в замкнутый круг неприятностей. Самая главная — он взял деньги в долг у сомнительных личностей, и их надо возвращать. Друг (Александр Абдулов) советует ему съездить отдохнуть. И рассказывает о "Парке советского периода". Отдых там стоит сумасшедших денег, но его приглашают бесплатно, он должен сделать рекламный ролик. Короче, наш герой попадает в некую смесь ВДНХ, роскошного санатория КПСС и "Диснейленда" на тему советской власти. Там можно быть кем угодно и получить все что угодно. Там идеальная советская власть, как мы ее себе представляем по газете "Правда", киномифам и такой, как представляют ее наши пенсионеры. Хотите быть Крупской? Пожалуйста. Там есть все — целина, Днепрогэс, военная игра "Зарница", минеральная вода с сиропом за 3 копейки. И в этом парке нашего героя ждет большая любовь и приключения.

Лиза Боярская, дочка Миши Боярского, — гениальная, на мой взгляд, молодая актриса — играет главную женскую роль. Еще у нас — Миша Ефремов, Владимир Долинский, Лидия Федосеева-Шукшина, Александр Булдаков. А великие Владимир Зельдин, Иосиф Кобзон, Полад Бюль-Бюль-оглы, Владимир Этуш, Анатолий Карпов играют практически самих себя.

— У Клары Лучко в "Парке..." последняя роль...

— Вы знаете это грустное правило — о покойниках или хорошо, или никак. Но о Кларе Степановне всегда и все говорили только хорошо. Ей вообще не подходит слово "ушла из жизни". Более жизнерадостной, более веселой, более достойной, более органичной, более порядочной женщины я никогда не видел. Ей было почти 80, а в картине она играет практически без грима юную Дашу Шелест из "Кубанских казаков". И когда она говорит молодому актеру: "Возвращайся, любимый Микола", — этому веришь, и она абсолютно трогательна и искренна. Мы, слава Богу, успели все снять, но не успели озвучить. Но в одном месте постараемся сохранить ее голос.

— А если фильм выдвинут на "Никку"?

— Надеюсь. Если мой фильм попадет в номинации оператора, художника, композитора, актерские, буду счастлив. А себя из конкурса снимаю, конечно. Так что в любом случае мне придется обойтись без главной Национальной кинематографической премии. Дело не в этом. Мне очень хочется, чтобы фильм понравился.

Мария ДАВТЯН.



С Кларой Лучко (Даша Шелест).



С Сергеем Никоненко (Чапаев).